

Дмитрий Стахов

«Сороковые, роковые, свинцовые, пороховые...»

В советском мифологическом сознании, ныне активно возрождаемом и приобретающем гротескные черты, Великая Отечественная состояла из подвигов и самопожертвования на поле боя, из мудрых, рожденных в результате совещаний с героическими маршалами, решений великого генералиссимуса, из подвигов партизан и подпольщиков и завершилась алым знаменем над поверженным черно-белым Рейхстагом. (Что, как в театре абсурда, теперь привело к стикерам на автомобилях — «Можем повторить!».)

Авторы двенадцати дневников военного времени, составивших основу книги Павла Поляна «Если только буду жив...», — красноармейцы из действующей армии (особист и штрафник), коллаборант, оказавшийся в 1945 году в Лихтенштейне, трое военнопленных, четыре оstarбайтера и двое, пережившие оккупацию, в том числе — узница гетто.

Разумеется, выбранные для книги дневники (и их авторы) не охватывают все категории участников и жертв войны. Более того — имеется значительный, видимый крен в сторону как раз жертв. И это вполне объяснимо. Как подчеркивает Павел Полян, в рамках победного мифа «негласное правомочие на причастность к торжествам имеют не все, а только генералитет, герои и ветераны боевых действий». Миллионы же военнопленных (предатели) и десятки миллионов гражданского населения оккупированных врагом

территорий, как угнанного, так и не угнанного в Германию (пособники врага), считались неким побочным продуктом великой победоносной поступи. В новой России вряд ли «официальная линия» кардинально поменялась. Как и прежде, те, кто попал меж жерновов или имел смелость не погибнуть («Вызывает меня особый отдел: — Почему ты вместе с танком не сгорел? А я им говорю, / Что в следующем бою обязательно сгорю!»), видятся людьми с сомнительным прошлым, доверять воспоминаниям которых не следует. Они якобы были озабочены в первую очередь не судьбой родины и не тем, как приблизить победу, а собственным выживанием. Или судьбами своих близких.

Книгу открывает раздел «Гуманитарные аспекты войны: участники и жертвы». В нем Павел Полян затрагивает такие важнейшие вопросы, как систематику участников войны и её жертв, дает анализ русскоязычных публикаций, посвященных советским военнопленным и оstarбайтерам, насильно угнанным для рабского труда в «тысячелетнем Рейхе». Ни тех, ни других, в соответствии с упомянутой выше «официальной линией», положено было не замечать, «делать вид, что их вовсе не было».

Автор-составитель пишет об «уродливо-своеобразном совпадении государства и граждан». Государству было удобно замолчать свои просчеты, из-за которых миллионы советских солдат оказались в плену, а гигантские территории были оккупированы и мирные граждане использовались в качестве рабочего материала. Бывшие военнопленные и

Павел Полян. «Если только буду жив...»: 12 дневников военных лет. — СПб.: Нестор-История, 2021.

остарбайтеры молчали потому, что они и так уже расплачивались «клеймом» изменников, фашистских наймитов и пособников. «В стране абсолютного бесправия, — пишет Павел Полян, — эти миллионы несчастных были еще более, нежели другие, ущемлены в правах и поставлены перед необходимостью избегать малейших упоминаний о вынужденном путешествии в Третий Рейх».

Поэтому несомненным достоинством книги является «встреча» под одной обложкой дневников особиста и военнопленного, красноармейца и коллаборанта. Такая «встреча», организатором которой стал Павел Полян, показывает глубокие сдвиги в восприятии Второй мировой войны и Великой Отечественной войны как ее части. Каждый из дневников сопровождается вводной, в которой дается биография автора дневника, контекст сопутствующих событий, библиографические сведения.

Первый дневник, интернированного в конце весны — начале лета 1945 года в Лихтенштейне пропагандиста-коллаборанта Георгия Томина, служившего в Первой русской национальной армии (РНА) под командованием Бориса Смысловского. События тех дней, кстати, нашли отражение в любопытном фильме «Ветер с востока» (1993 год) с Малькольмом Макдауэллом в роли Смысловского. Сам дневник Томина краток, дальнейшая судьба Томина неизвестна. Тех же, кто решил вернуться в СССР, Топин называет «добровольцы смерти»: «Советская комиссия еще здесь, но дела у них идут слабо: никто почти не хочет ехать на Родину, а если едут, то после долгих уговоров и часто почти силой. Нас не трогают, но безосновательно обвиняют в пропаганде среди молодых. Глупцы! Нужна ли наша пропаганда тем, кто недавно из СССР? Им лучше знать, чем нам, и если они не хотят возвращаться, они знают почему».

Дневник особиста Ивана Шабалина оказался «дважды трофейным». Найденный в планшете или в кармане убитого в бою особиста, он сначала попал в штаб германской группы армий «Центр», был переведен на немецкий язык, использовался в качестве пропагандистского материала, а потом был «отбит» советскими войсками и вновь переведен, с немецкого на русский.

Дневник Шабалина довольно беспристрастно фиксирует этапы общеармейского коллапса (контрнаступление армий группы «Центр» осенью 1941 года после попытки войск Брянского фронта остановить вермахт), описывает детали быта и дает представление о переживаниях автора, но почти ничего не сообщает о самой работе «особиста» — об арестах, допросах и расстрелах. Майора НКВД Шабалина (звание соответствует армейскому генерал-майору) в основном заботит отсутствие горячей пищи, непролазные дороги, невозможность помыться. Правда, Шабалин позволяет себе «критические высказывания»: «Армия не является такой, какой мы привыкли представлять ее себе на родине. Громадные недостатки. Атаки наших армий разочаровывают». Однако постепенно в дневнике прорастает истинная картина: «В 22.00 я поехал в лес и говорил с командующим армии — генерал-майором Петровым об обстановке. Он спросил меня: “Сколько людей расстреляли вы за это время?” Что это должно означать? Комендант принес литр водки. Ах, теперь пить и спать, может быть тогда будет легче. Перспективы войны далеко не розовы, так как противник вогнал мощный клин в наш фронт. Но у нас, как всегда, потеряли голову и не способны ни к каким активным действиям».

Любопытно, что Шабалин разделяет окружающих на две категории — чекистов и всех прочих: «Это ужасно, у меня кружится голова; трупы, ужас войны, мы непрерывно под обстрелом. Снова я голоден и не спал. Я достал фляжку спирта. <...> Армия разбита, обоз уничтожен. Я пишу в лесу у огня. Утром я потерял всех чекистов, остался один среди чужих людей. Армия распалась».

Здесь следует отметить, что Павел Полян стремится — и это логично — полнее представить авторов дневников и описываемые ими события через комментарии, примечания и ссылки. Но порой эти уточнения кажутся избыточными, воспринимаются как недоверие составителя книги ее читателям. Вряд ли среди них будет много случайных, тех, кому необходимо объяснять, что такое дивизион, или способных в соответствующем контексте спутать скрывающуюся за аббревиатурой СД службу безопасности со стрелковой дивизией. Примечания к буквально страшным,

сочащимся страданием страницам дневника военнопленного Сергея Воропаева (8 октября 1944 года он записывает: «Жизнь на крошках. Сегодня также из английского лагеря привозили суп, досталось по 3 ложки. Порой привозят больше...»), работавшего в плену в угольной шахте и умершего вскоре после освобождения, вообще приобретают какой-то inferнально-ироничный оттенок. Скажем, уже больной, находящийся в госпитале Воропаев упоминает прочитанные книги: «Чайльд-Гарольд», «Отцы и дети», «Герой нашего времени», «Евгений Онегин», «Квентин Дорвард»... Приведенный в ссылке список авторов этих хрестоматийных текстов выглядит почти как издёвка над читателем. Кроме того, начиная с дневников штрафника Александра Контарева, Павел Полян часто оценивает их с морально-этических позиций. Причем даже не лейтмотив дневников (у того же Контарева выраженный предельно ясно — «Выжить!»), а глубинные свойства самой личности автора. «Жлоб и хам» (Полян цитирует Алексея Симонова) Контарев — к слову, как штрафник ходивший в атаки на вражеские позиции и участвовавший в жесточайших рукопашных схватках, — предстал бы в совершенно ином виде, если бы на авансцену были выдвинуты его оценки того, что он наблюдает в Восточной Пруссии. Эти страницы читать непросто: «До сих пор не встречал ни одного живого человека, а сейчас непрерывно идут, по большей части старики и старухи, очень редко молодые девушки. Они, по-видимому, все уходят с армией. Ну, счастье им, а то солдат потешился бы на славу. Я, вообще-то, не представляю себе, как это так, а ведь недавно дивизионная разведка захватила одну девушку, и здесь же ее изнасиловали 23 человека. Сегодня в соседний с нашим дом зашли немки, так все туда кинулись, как шакалы. Зачем все это?..»

Однако всё это досадные для меня-читателя, но частности. Эмоциональный градус книги неуклонно возрастает от дневника к дневнику. Свидетельства остарбайтера и трудбательноговца Бориса Андреева, пережившего оккупацию Николая Саенко и, в особенности, уцелевшей в гетто Тамары Лазерсон, обладают огромной силой, показывают индивидуальное, личностное в том пространстве, где вроде бы нет места личности, где индивидуальное уже не имеет никакого значения и смысла.

Так дневник Андреева предстает перед читателем как уникальное свидетельство принудительного труда и на благо Рейха, и для блага СССР. Вот на благо Рейха: «29.01.44. Стал очень бить меня немец в шахте. Сегодня за то, что я нечаянно разбил себе руку, он меня здорово побил». Вот на благо СССР, куда Андреев вернулся из Саарбрюкена пешком (!): «2.X.45. Распределили по работам. Меня послали работать по строительству. Оskabливаю бревна. Норма — 100 метров оскоблить бревен в день. Я смог оскоблить только 46 метров» (при росте метр семьдесят пять Андреев весил пятьдесят два килограмма). Между этими записями — освобождение: «16.IV.45. Ночью приходил пьяный американский солдат к нам в барак. Все разбежались. Я остался лежать на койке. Солдат пошарил по койкам, никого не нашел. Три раза выстрелил из пистолета, потом лег и уснул. Утром ушел в свою часть».

Николай Саенко, летописец оккупации Таганрога, временами так же бесстрастен, как бесстрастны (внешне, конечно) и другие авторы. Вот запись от 4 апреля 1942 года: «В городе все спокойно, по временам бывают выстрелы немецкой охранной артиллерии, с фронта тоже слышны отдельные выстрелы. В деревню, где Золотая коса, ночью зашли красные и пошли по квартирам, где стояли немцы, с одной квартиры в окно выскочил немецкий офицер, и его убили, а в дом стучались, а хозяева не отворили, то они им бросили в окно гранату, а сами скрылись, не потеряв ни одного человека».

В дневнике Саенко есть упоминания о расстрелах в Таганроге, которые проводила зондеркоманда 10-а айнзатцгруппы D под командованием оберштурмбаннфюрера СС Кристмана с активным участием местной полиции. В записи от 29 октября 1941 года Саенко фиксирует, что «всем евреям приказано собраться на Красную площадь для выселения, но неизвестно куда. Велено взять харчей и сколько можно на себе унести багажа», а уже на следующий день пишет, что «за городом за аэродромом 31 завода расстреляны евреи, все собранные в городе старики и дети».

Саенко не упускает случая покритиковать молодежь, особенно тех, кто использует любую возможность избежать отправки в Германию, а также тех, кто позволяет критиковать бывшие советские порядки. Кроме того, он выступает

как суровый моралист, осуждая поведение молодых женщин, пытающихся увильнуть от отправки в Рейх — 13 мая 1942 года он пишет: «...нужно пойти с офицером, куда он поведет, на ночь, и тогда получает на руки бумажку и остается на месте в Таганроге». Сам же Саенко, бесстрастно фиксируя происходящее, по сути озабочен только одним — выжить, причем желательно с комфортом и не испытывая голода.

Дневник Тамары Лазерсон вообще-то, как мне кажется, было бы лучше изъять из корпуса книги, соединить с подобными ему трагическими свидетельствами (например, Марии Рольникайте). Павел Полян дает подробную преамбулу к дневнику, описывая историю семьи Тамары и то, что произошло с Каунасским гетто и его обитателями. Собственно, что произошло, становится ясно из двух цифр: 35 тысяч евреев было в Каунасе до войны, после освобождения города Красной армией 1 августа 1944 года их осталось 634. Среди погибших были и трое из семьи Лазерсонов — родители и старший сын, двое — младший сын и Тамара — уцелели. Несмотря на то, что отец говорил младшему сыну, Виктору: «Пиши дневник. Мы живем в интересное историческое время», — автором фактической летописи Каунасского гетто стала Тамара.

Павел Полян совершенно прав, когда пишет об удивительных параллелях между дневником Тамары Лазерсон и дневником Анны Франк, но признает, что это две чрезвычайно разные судьбы и два совершенно разных документа.

Тамара пытается писать о «приятном»: «Положение улучшается. На рынке гетто дешевеют продукты, так как много их поступает через забор. Жить становится легче. Между прочим, рассказывают, что наши мучители NSKK 4-й батальон погибли на фронте. На здоровье им!» Но общий трагизм нарастает: «Тревожные дни. Опять оханье, плач. Опять разделяют семьи, отделяют мужчин от женщин. Прямо страшно, что здесь творится. Мы живем недалеко от кутузки, откуда раздаются душераздирающие крики младенцев» (запись от 17 октября 1942 года).

Тамару спасло прекрасное знание литовского языка, «фактически родного». Она стала Элянтой Савицкайте и попала в 1944 году в бригаду литовских рабочих: «Отец проводил меня до самой бригады, в которую я должна

была внедриться. С бригадиром, очевидно, было все оговорено заранее. Никто ни о чем не спрашивал. Я попрощалась с отцом, и он двинулся в обратный путь. Перед моим взором на всю жизнь осталась сутулая фигура отца, согнувшаяся под непосильной ношей. Так, в сущности, и было. Он отпустил свою малолетнюю дочь одну в этот коварный и злой мир. И, наверное, терзался сомнением — правильно ли поступил. Старшего сына папа не хотел отпускать, и брат погиб в пятнадцатилетнем возрасте. Может быть, эта трагедия подвигла отца отпустить меня?..»

...Один выдающийся историк очень давно рассуждал об истине и правде истории. Истина, по его мнению, всегда одна, но сводится по преимуществу к фактам, датам и тому подобному. Вот правда уже может дробиться на «составляющие части», вплоть до того, что может называться правдой персональной, индивидуальной. Эта правда может выглядеть — даже при условии «оправдания» ее носителя — ужасно или сомнительно с морализаторской позиции. Но подлинный, человеческий, часто пугающий лик истории складывается из этих «правд».

Дневники из книги Павла Поляна призваны показать заинтересованному читателю индивидуальную правду истории в ее, так сказать, неприглядной наготе. В них показаны физические и моральные страдания авторов дневников, голод и холод, унижения со стороны врагов, нередко и от своих, попытки — часто неуспешные — приспособиться к реальности и выжить. Сам Полян считает, что дневники, «составляющие ядро книги, являют собой общее и единое поле битвы между установкой государственно-патриотической, бесчеловечной (“Умри же за родину, герой!”) и индивидуалистической (“Ни в коем случае не умереть — выжить!”)».

Из авторов двенадцати отобранных для книги дневников выжили десять. Представляется, что Павел Полян выдержал такое соотношение, исходя из собственных благородных установок. В трагическом столкновении индивидуального и коллективного, в «опорной дихотомии “Я vs МЫ”» он на стороне «Я», на стороне индивидуального. В наше время, когда окончательная победа коллективного не за горами, его позиция ничего, кроме как уважения, не заслуживает.